

ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО

Николай Клюев

ИЗ ПИСЕМ К А. Н. ЯРУ-КРАВЧЕНКО

(1931—1934)

Каждый, кому известна, хотя бы в общих чертах, творческая биография Николая Клюева, хорошо помнит его стихи конца 1920-х — начала 1930-х годов, обращенные к художнику Анатолию Кравченко (1911—1983), украсившему в 1929 году свою фамилию (кстати, именно по совету Клюева) звучным добавлением «Яр». Начиная с весны 1928 года поэта и художника соединяла тесная дружба, о которой к настоящему времени рассказано уже немало. Однако писем Клюева к его молодому другу в печати до сих пор не появлялось (если не считать отдельных фрагментов). Должно быть, от публикации этих писем исследователей удерживала их лирическая окраска: взволнованность, страстность и та неподдельная трепетная нежность, которую испытывал Николай Клюев к своему воспитаннику, едва вступившему в самостоятельную жизнь.

В течение, по крайней мере, шести лет (то есть до ареста Клюева в феврале 1934 года) этот юноша оставался для поэта источником вдохновения, радости, счастья. Клюев опекал как умел своего «лосенка», наставлял его, пытался уберечь от житейских «соблазнов». Трогательно, с почти отцовской заботой он брал на себя порой его будничные дела. Он приобщал Анатолия к высокому искусству, делился с ним своим знанием и опытом, знакомил его с известными писателями и художниками. «Припомни нашу совместную жизнь, когда все мое напряжение было устремлено на то, чтобы украсить, насколько позволяли обстоятельства, твое бытие», — писал ему Клюев из нарымской ссылки летом 1934 года.

История отношений Клюева с Анатолием Кравченко еще будет однажды изложена — подробно, с опорой на документы (и, конечно, произведения самого поэта). Ограничусь в этом кратком вступлении лишь напоминанием о трагическом финале, постигшем обоих, хотя и по-разному: сосланный в Сибирь Клюев был расстрелян в Томске по приговору «тройки» между 23 и 25 октября 1937 года; Яр-Кравченко благополучно окончил в 1939 году Академию художеств, получил известность своей «галереей» советских писателей (известнейшая из его работ — «Горький читает И. В. Сталину, В. М. Молотову и К. Е. Ворошилову свою сказку „Девушка и смерть“» в 1948 году был удостоен Сталинской премии, стал народным художником РСФСР, создал портреты Хрущева, Брежнева, космонавтов и других официальных лиц (среди них — Н. А. Щелокова). Умер в Москве.

Клюев писал своему питомцу охотно и часто, иногда по несколько раз в день (см. публикуемые ниже два письма от 29 октября 1931 года). Переписка приобретает регулярный характер с октября 1931 года, после окончательного отъезда Клюева из Ленинграда в Москву (поэт был занят в то время обменом своей ленинградской квартиры на московскую). Насколько можно судить, число писем Клюева к Анатолию значительно превосходило к началу 1934 года цифру 100. Большая часть этих писем, как утверждал в середине 70-х годов Анатолий Никифорович, хранилась в его личном архиве. В чьих руках они оказались ныне и предполагаются ли к публикации в ближайшее время — неизвестно.

Однако еще в 1930-е годы яркие послания Клюева к Анатолию привлекали к себе внимание некоторых друзей поэта, ценителей его таланта. К ним относились, например, Н. И. Архипов (в публикуемом ниже недатированном письме (№ 6) Клюев ласково называет его «Коленькой»), критик Иванов-Разумник, писатель М. М. Зощенко. Они копировали письма Клюева, старались их сохранить для потомства. Благодаря усилиям этих людей мы имеем сегодня возможность увидеть по-новому Николая Клюева, ощутить его горячее любящее сердце.

Все письма, отобранные для настоящей публикации, представляют собой копии (за исключением письма 10 — оно сохранилось в оригинале) и обнаружены в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Традиционные «примечания» — кроме двух пояснений — опущены. Стоит ли комментировать личные письма, которые по сути вовсе не «документы», а, правильной, — судьба и поэзия!

1

Москва, 22 октября 1931

Немедленно пришли несколько №№ газет с объявлениями о московских комнатах. Поторопись! Письмо твое от 19 $\frac{11}{X}$ 31 получил. Спасибо за ласковые, сердечные слова — они так мне нужны — и так по ним я грущу. Прошу тебя, будь тверд и непоколебим в своей вере и посвящении. Всегда помни, что над всем высшая воля, а потому не уходи от самого себя, не верь соблазнам, откуда бы они ни исходили! Не изменяй своему сердцу, чтоб не надломилось окончательно.

2

Москва, 29 октября 1931

Дорогое дитя мое, — я уезжаю первого числа ноября. Адрес: Сочи. Дом отдыха печатников, бывшая дача Данилевского. Благословляю тебя — всей силой любви моей. Жизнь тебе и верность! Не унывай и не скорби, все в свое время придет! Еще месяц твоей верности, и мы увидимся — если Любовь благословит. Ни одного дела мы не должны предпринимать без благословения Любви. Помни крепко, что житейские будни — лишь покрывало тьмы, — за которым синие весны. Лобзаю тебя лобзанием Песни песней, возлюбленный мой, брат, дитя и веселие мое!

Напиши, какой номер нужны тебе штилеты? Есть 45-ый.

3

Москва, 29 октября 1931

Буду ждать жадно твоего письма ко мне в Сочи, Дом печатников. Поклонюсь от тебя морю, лермонтовским дубам и олеандрам, — возлюбленный мой! Грустно, что не могу тебя прижать к сердцу моему — дорогой мой лосенок!

Прошу тебя всем жаром и святыней моей — о верности, памяти и чистоте. Пожелай мне здоровья и крепости, чтобы встреча наша была полной и счастливой. Да утишит надежда твои юные бури, да улягутся волны твоих молодых и неизбежных сомнений — будь тверд, мужественен, встречая темные призраки на житейских тропинках. Буду жить тобой и морем, дышать тобой и южной осенью.

4

Сочи, 10 ноября 1931

Приехал. Синий шелк неба и моря, молчат кипарисы... Нет тебя — свет мой, но мир, мир тебе! Целую. Люблю. Рассказываю о тебе солнцу и осенним тюльпанам.

Н. К.

5

Мацеста, 18 ноября 1931

Тридцать тепла.купаются в море. Мое окно прямо на море и бархатные дубы. — Такая красота и вместе грусть, что нет тебя — лебедок мой! Комната на одного, отношение чрезвычайно внимательное. Первый выход в общую столовую был под бурные аплодисменты. Сердцу лучше, доктор утешает, что не умру. Послал тебе телеграмму, чтобы выслал спешно «Стихи из колхоза»¹ — жду, крепко и преданно целую.

¹ Цикл «Стихи из колхоза» был напечатан в журнале «Земля Советская» (1932, № 12). Эта — последняя прижизненная публикация стихов Клюева.

〈Москва, 1931—1932〉

Мир тебе и любовь, дитя мое! Пусть лебедь тишины и покоя бороздит лед и яхонт твоих зрачков милых. Да будет! Да будет!

Мы заболели с тобой одинаковой болезнью — у меня кашель не дает покоя — особенно ночью. Нужно молоко горячее с маслом и с содой, но где их взять? Везде продают масло с маргарином, что крайне вредно при болезни гортани. Спаси Христос твою печальницу-маму за хлеб-соль! Вот уж рыбица на мели: бьется — и тяжело дышит за всех. Меня очень обижает дядя Пеша — с утра до двух-трех часов ночи осыпает бранью и издевательствами. Пока я был здоров, то он воздерживался, но лишь только догадался, что я немного не могу обойтись без его ничтожных услуг, как показал свои когти. Как только поправлюсь, нужно принять меры, чтобы от него отделаться, но — бога ради побереги себя — отлежись и окончательно поздоровей — каждый твой час жизни и мой час жизни — здоровья и счастья. Ты это как-то должен утвердить в себе потверже. Я знаю внутренне, что уже три-четыре года назад лежал бы я на Волковом кладбище, если бы не было в моем сердце тебя — моего индийского царевича — твоих слов и дыхания. Вот почему и враждебны душе моей чужие вторжения (и чужие руки) в любовь нашу. Ненавистью к чужим я защищаю свою жизнь и самого себя.

Знаю, что такими признаниями я даю тебе полную власть над собой, но сохранит тебя лебединый ангел от злоупотребления ею. Но когда ты захочешь сознательно и холодно трезво, чтобы я снял себе угол с (пропуск в машинописной копии) у безносой хозяйки Волкова кладбища, ты можешь сделать это почти одним словом. В болезни своей я жалостно, как озябшая бездомная собака, горько понял это. Еще недавно Коленька уговаривал меня и предостерегал от этой мысли, но наперекор рассудку я сладко взрастил ее в своем сердце. Я прошу тебя помолиться Христу за меня, не подбирая слов, а признаваясь ему в чувствах своих до конца. Поправляйся — милый.

Н. Клюев

〈июнь 1932〉

Мое болезненное дитяtko — получил твое письмо — утер им слезы с горя, рассказал свое сердце прилагаемыми стихами. Прошу тебя, сладкий мой братик, не унывай, поправляйся, сам знаешь, что больному в деревне опасно, помощи никакой, а вдруг расхвораешься — придется уезжать в Москву обратно. Лета еще много, если запоздаем на Вятку, поедем в Елатьму на Оку-реку, где она шириной с верешу, на берегах лес, в деревне много молочного, ягод и яблок хоть завались; а тебя нужно бы покормить земляничкой — цены не дороже вятских. Или еще есть место, в Задонск, описанное Лесковым, там еще теплее и осень теплая бархатная — село в садах — промышленяет с древности яблоками — и Дон-река с лодками и рыбаками. Долго я терпел, еще потерплю. Знаю и вижу ясно, что промысел испытывает нашу любовь и чистоту. У меня все благополучно. Мне назначили пенсию, квартиру и поездку на Кавказ. Пищи у меня много, и деньги тоже водятся. По третий раз я наливаю малагу в стеклянного медведя, пеку пышки, мою и прибираю мою келью к часу нашей встречи.

На праздник Вознесения 9-го числа — думал, будет у меня вторая Пасха, а н — только горькое письмо, да еще с подозрением о какой-то тайне, скрываемой от тебя; утешаю себя тем, что это ты так сболтнул — концом языка.

Про твои тайны я стыжусь тебя спрашивать, да не верю, что за тобой водятся. Благословляю. Целую. Укрепляю. Исцеляю именем нашей живой любви. Сообщай, как будет идти поправка. Прошу. С Потрепухина получил письмо. Зовут и ждут. Жду и я упорно и без тебя никуда ехать не в состоянии.

Еще раз обнимаю по-медвежьи без запаха папирос, пачули и модного костюма. Пиши с больницы. Буду беспокоиться. Ласточка моя.

Москва, 22 февраля 1933

Дорогой Толечка! Жду ответа на два последние письма.— Ставлю тебя в известность, что по твоему заявлению ты временно выписан из моей квартиры. Как, дитя, живешь? Все ли у тебя благополучно? Как твоя душенька? Извещай о времени приезда. Не то я сам приеду. Как только оттеплит немного. Больше нет сил ждать... Истерзался сердцем и песней. Тяжко. Не медли письмом. Целую тебя. Как твои карие яхонты — небось стали мутнее? Прости.

Твой дед.

Москва, 4 марта 1933

Здравствуй, мое дитяtko. Пишу на почте. Очень рад, что «Липы»¹ не прозвучали в твоём сердце как панихида по нашей дружбе. Мне вовсе не лестно, что Федин взволновался моей болезнью, вот если бы ты почувствовал ее во всей значимости, то это было бы для меня драгоценно, а для тебя прекрасно и благородно!

Я одиночествовую только для того, чтоб не мог ты ни в чем укорить меня. Люблю. Целую. Дед.

Незабвенное дитяtko, здравствуй

После четырех месяцев хождения по мукам я, как после кораблекрушения, выкинут на глинистый, усыпанный черными от времени и непогодицы избами — так называемый г. Колпашев. Это чудом сохранившееся в океанских переворотках сухое место посреди тысячеверстных болот и залитой водой тайги — здесь мне жить пять унылых голодных лет и, наверное, умереть и похорониться, даже без гроба, в ржавый мерзлый торфяник. Кругом нет лица человеческого, одно зрелище — это груды страшных движущихся лохмотьев этапов. Свежий человек, глядя на них, не поверил бы, что это люди. Никакого пейзажа — угрюмая серо-пепельная равнина, над которой всю ночь висит толстый неподвижный туман, не поддающийся даже постоянному тундровому ветру. От 10 часов до четырех светит солнце и даже жарко, но люди, выходя по делам, и в эти часы несут на руках ватное платье — не надеясь на устойчивость погоды. Говорят, что в этом году лето будет хорошее, ну приблизительно как август на Вятке. В сентябре уже ледовитый снег, и так до половины мая. Гибель моя неизбежна. Я без одежды и без денег. Как политссылный я должен получать паек 15 кило ржаной муки, 2 кило крупы, 800 гр (аммов) сахар (ного) песку и 15 гр (аммов) чаю — вот и все на целый месяц. Но и этот жалкий паек я не могу выкупить. Все четыре месяца я питался лишь хлебом и водой, не всегда горячей. Теперь привыкаю есть, но после каждого куса поднимаются страшные боли в животе — я иссох так, что прежние кальсоны обшивкой обвивают два раза тело.

В кособокой лачуге, где ссыльный китаец стрижет и бреет, я увидел себя в зеркало и не мог не разрыдаться от зрелища: в мутном олове зеркала как бы плавала посыпанная пеплом голова и борода, — желтый череп и узлы восковых костистых рук... Я перенес воспаление легких без всякой врачебной помощи — от этого грудь хрипит бронхитом и не дает спать по ночам. Сплю я на голых досках под тяжелым от тюремной грязи одеялом, которое чудом сохранилось от воров и шалманов — остальное все украли еще в первые дни этапов. Мне

¹ Клюев имеет в виду свое стихотворение «Продрогли липы до костей...» (1933).

отвели комнату в только что срубленном баракообразном доме, и за это слезное спасибо, в большинстве же ссыльные живут в землянках, вырытых своими руками, никаких квартир за деньги в Колпашеве не существует, как почти нет и коренных жителей. 90% населения ссыльные — китайцы, сарты, грузины, цыгане, киргизы, россияне же очень мало — выбора на людей нет. Все потрясающе несчастны и необщительны, совершенно одичав от нищеты и лютой судьбы. Убийства и самоубийства здесь никого не трогают. Я сам, еще недавно укрепляющий людей в их горе, уже четыре раза ходил к водовороту на реки Оби, но глубина небесная и потоки слез удерживают меня от горького решения. Я намерен проситься в ссылку в Вятскую губ (ернию), ведь там еще не изгладилась следы дорогих для меня ног, или, крайне, в г. Томск, где есть хорошие врачи, но для этого нужно тебе немедля сходить в бюро врачебной экспертизы, куда ты водил меня и где мне выдали свидетельство о том, что я — инвалид второй группы, страдаю артериосклерозом, кардиосклерозом, склерозом мозговых сосудов и истерией. Свидетельство у меня было, но осталось на Гранатном в немецкой библии и, вероятно, как и все, что там было, пропало. Необходимо восстановить этот документ немедля и выслать мне ценным письмом, тогда я буду иметь повод хлопотать о переводе. Мне здешнее начальство говорило, что это возможно при наличии документа от бюро врачебной экспертизы об инвалидности и болезни. В прежнем моем документе в строке о переосвидетельствовании значилось: «Нет» — следовательно, документ пожизненный и очень резонный. Добудь его, дитя мое драгоценное. Поговори с Валентином Михайловичем, спроси его совета, а также и его удостоверения, что я болел суставным ревматизмом — это тоже нужно и важно. Сходи к профессору Нарбуту — попроси его выдать мне удостоверение о глубоком неврозе сердца и общего тяжело нервного состояния с приложением печати и т. п. Кланяйся его семье и попроси Софию Викторовну соорудить мне посылочку: чаю, сахару, компоту, круп и непременно жиров, лучше шпикку свиного, какую-либо теплую рубаху, кальсоны, если можно, то брюки, хотя бы старые, носки, гребенку и какую-либо кастрюльку-котелок для варки пищи, эмалированный или какой другой, но полегче. Посылка может быть весом до 15 кило — это новые почт (овые) правила. Здесь растительной пищи нет. Поэтому мне нужен компот и лук в головках, чтобы не заболеть цингой. В тюрьме мне ошибочно рассказывали, что в Колпашеве растут огурцы — в нем не сеют и не жнут. И съестное редкость, и цены на все чудовищные. Бутылка молока 2 р. 50 к. Небольшой хлебец фунта два — 6—7 руб. Масло 30 руб. кило, но пахнет медведем, рыба — караси 3 руб. штука. Мука 75 руб. пуд и т. д. Но все это и за деньги надо купить умеючи. Потому что все и редко и скудно. Чем же ты утетишь меня — друг мой?! Можно ли мне питаться надеждой на регулярную месячную помощь, хотя бы на хлеб и воду? Напиши мне об этом! Раздобудешь ли ты для меня что-либо теплое на зиму? Валенки, штаны ватные, варежки, портянки помазейные (так!), шапку с ушами размер 15¹/₂ вершков в округности, шарф, рубаху вязаную. (Теплое пальто мне обещали прислать из Москвы.) Но предупреждаю, не обижай себя! Мне будет тяжело знать, что я для тебя обуза. Подумай об этом и обо всем остальном — поговори с моими друзьями и т. п. Сообщи мне — следует ли мне выслать тебе доверенность на мою квартиру и на все, что в ней находится, или тебе это трудно и тогда можно хотя бы Клычкову, у него теперь квартира в Доме писателей и места много?

Как бы хотелось пролить к тебе сердце свое, высказать, что накопил, но бумага тоже, как и жизнь, конечна. Буду ждать от тебя письма — оно будет для меня великой радостью. Телеграмму я получил. Она мне очень помогла и укрепила душевно. Прощай, дитячко! Будь счастлив. Пусть мое страшное несчастье научит тебя, как нужно быть четким и бережливым к своей судьбе в жизни! Кланяюсь моим друзьям! Кланяюсь тебе — единственному и незабвенному в жизни и смерти моей! Прощай! Прости!

Колпашев, до востребования.

5 июня 1934 г.